DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.008

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТОВЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЮЖНОГО УРАЛА
(в системе «жертвенно-поминальный комплекс – каменное изваяние»)

Г.Н. Гарустович, Ф.А. Сунгатов

ON THE ISSUE OF THE CHRONOLOGY OF CULT MEMORIAL OBJECTS OF SOUTHERN URALS
(in the system «memorial and sacrificial complex – stone statue»)

G. Garustovich, F. Sungatov

Ключевые слова: период Золотой Орды, Южный Урал, жертвенно-поминальная обрядность

Авторы статьи обращаются к рассмотрению материалов степной полосы Южного Урала, связанных с языческой поминальной практикой тюркоязычных кочевников эпохи средневековья. Анализ вещевых комплексов позволил сформулировать вывод о существовании данной культовой традиции в степи в XIII-XIV вв., а не в домонгольское время, как это считалось ранее. Типологическую градацию поминальных сооружений (округлые выкладки; прямоугольные оградки; «кенотафы») исследователи связывают с обрядовыми практиками тюркских племен различного происхождения (кыпчаков; выходцев с Алтая и Восточного Казахстана, и т.д.).

Keywords: Golden Horde period, Southern Urals, monuments of steppe nomads, memorial and sacrificial rituals

In the article presented the authors study materials form the steppe zone of Southern Ural which are related to heathen memorial practices of the Turkic-speaking nomads of the Middle Ages. Analysis of the object complexes helped the authors draw a conclusion that this cult tradition existed in the steppe zone in the 13th-14th centuries, not in the pre-Mongolian period as it was thought before. The researchers connect typological gradation of the memorial structures (rounded objects; squared fence; “cenotaphs”) with ritual traditions of the Turkic tribes of a different origin (of the Kipchaks, who came from the Altai and Eastern Kazakhstan, etc.).

Как известно, средневековые тюркские каменные изваяния Южного Урала относятся к категории «знаковых» памятников степной полосы региона. Как и любые культовые объекты древней истории, эти интересные археологические артефакты сопровождаются целым комплексом сложных, все еще нерешенных проблем. В длинном перечне актуальных вопросов достаточно назвать семантику, хронологию, истоки и исторические судьбы камнерезной традиции. Собственно говоря, кроме уверенности в том, что каменные бабы относятся к разряду не погребальных, а поминальных (меморативных) объектов, все остальные базовые элементы научной темы являются дискуссионными. В археологическом плане средневековые произведения декоративно-прикладного искусства невозможно отделить от жертвенно-поминальных объектов (их еще называют святилищами или храмами), внутри или возле которых эти каменные изваяния когда-то стояли. К примеру, сейчас в нашем регионе возможности датирования скульптурных произведений средневековых кочевников, посредством изучения иконографических особенностей резко ограничены. Большая часть изваяний Урало-Поволжья относятся к категории стеловидных статуй, имеющих лишь антропоморфный контур со стилизованным человеческим лицом. В такой ситуации возможности определения датировки жертвенно-поминальных комплексов (далее – ЖПК) резко возрастают и становятся определяющими.

В этой связи, целью авторов данной статьи является рассмотрение двух важных вопросов. Во-первых, введение в научный оборот ряда новых материалов по рассматриваемой теме, происходящих с территории Башкирского Зауралья. Во-вторых, обращение внимания на появление серии датирующих вещей, уточняющих хронологию всего поминального комплекса Южного Урала (т.е. системы архетипа «ЖПК – каменное изваяние»).

В последние десятилетия в Башкирском Зауралье и на сопредельных территориях исследована целая серия разнотипных одиночных и групповых каменных поминальников, на территории некоторых из них до сих пор возвышаются каменные бабы и менгиры. Наличие представительного числа данных объектов в небольшой географической области региона заставляет нас говорить о какой-то особой сакральной значимости этих земель в совокупности древних политеистических верований средневекового кочевого населения Евразии. Видимо, ареалообразующими признаками и почитаемыми объектами здесь являлись Уральские горы и

© Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А. 2018. УАВ. Вып. 18. С. 95-107.

река Урал. Обращаем внимание на то, что на левом берегу р. Урал, на территории современной Оренбургской области, известны уникальные культовые памятники - Таналыкские пещеры [Гарустович, 2010. С. 135-156], внутри которых найдена масса вотивных, пожертвованных богам и духам, кочевнических древностей эпохи средневековья – предметов вооружения, конского снаряжения, бытовых вещей, и т.д. Стационарные исследования культовых объектов к востоку от Уральских хребтов (Хайбуллинский, Баймакский, Учалинский районы Башкортостана) проводили А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, А.Ф. Яминов, Н.С. Савельев и другие специалисты, но в научный оборот введена лишь малая часть раскопанных памятников [Гарустович, 2005. С. 23-32; Савельев, 2006. С. 92-104; Минеева, 2010. С. 161-162]. Это свидетельствует о значительной актуальности публикации новых поминальных объектов, располагавшихся вдоль линии гор и реки Урал.

На сегодняшний день проблему поминальных культовых комплексов в тезисной форме можно охарактеризовать так:

а) «каменные истуканы» генетически связаны не с погребальными, а с жертвенно-поминальными объектами разных видов. Человеческие останки ни в одном случае в них не выявлены;

б) скульптуры устанавливались на краю насыпи ЖПК, лицом к востоку;

в) ЖПК иногда сгруппированы в крупные святилища (например, на р. Макан-третий в Башкортостане, и др.), но чаще они представлены одиночными либо парными насыпями;

г) одиночные ЖПК обычно локализуются не на вершинах, а у подножия холмов, или на площадках надпойменных террас;

д) в западной части региона преобладают округлые ЖПК из камня, а на востоке – квадратные (прямоугольные) выкладки. Условная граница между круглыми и прямоугольными ЖПК проходит примерно по осевой линии Уральских гор;

е) отметим, что, по непонятным еще причинам, каменные изваяния и менгиры устанавливались далеко не у всех ЖПК;

ж) под насыпями ЖПК фиксируются зольники, встречаются кости животных (обычно – лошади), куски дерева, но очень редко обнаруживаются датирующие вещи.

Отметим также недостаточную изученность этих интересных ритуальных объектов в Волго-Уральском регионе и их современное массовое разрушение.

Анализ всей имеющейся выборки средневековых жертвенно-поминальных комплексов Волго-Уральского региона позволил нам произвести их типологическую градацию (типы 1-4).

Тип 1. Округлые *каменные* поминальники. Выделяется 2 варианта:

1а – сплошные курганные насыпи;

1б – кольцевые каменные оградки.

Тип 2. Прямоугольные и квадратные *каменные* выкладки. Выделяется 4 варианта:

2а – квадратные каменные наброски на поверхности;

2б – прямоугольные и квадратные оградки, каменные «ящики»;

2в – так называемые «кенотафы» с каменными надмогильными конструкциями (Бутак-3, Симбирка, Озерновский-3, Солянка). В качестве разновидности данного варианта второго типа (2в2) включены символические захоронения вещей (предметы вооружения, защитного снаряжения, конского убранства) в насыпях курганов более ранних эпох (Кутр-Тас, Орл-Оба, Джасай);

2г – прямоугольные оградки из саманного кирпича; являются результатом развития ЖПК типа 2б, в эпоху распространения ислама в степи в XIV веке.

Тип 3 представлен «курганами» с *земляными* насыпями. Эти поминальники изучены в регионе хуже всего, и, к тому же, датирующие вещи в них практически не встречаются.

Тип 4 из-за малочисленности реальных примеров выделен нами сугубо предварительно, объединяя отдельно стоящие менгиры (без выраженных следов насыпи): Кусеево, Сукраково, и др.

В регионе преобладают культовые сооружения из камня (типы 1 и 2), что характерно для предгорий, земляные насыпи (тип 3) встречаются реже. Каменные изваяния сопутствуют объектам первых трех типов, правда, не во всех случаях. Скажем, рядом с «кенотафами» (тип 2в) до сих пор каменные бабы или менгиры не были обнаружены. Подчеркнем, что в Башкирском Зауралье иногда вперемешку встречаются как округлые, так и квадратные каменные поминальники (типы 1 и 2). Это явно был порубежный регион, место разграничения двух культурных (возможно даже этнических) традиций. А, скажем, в пределах Оренбуржья преобладают округлые «курганы» и выкладки.

В качестве примера исследования круглых сооружений можно назвать раскопки 1968 г. на юге Башкортостана (Кугарчинский район). В тот год Н.А. Мажитовым в кургане 1 у деревни Акимбетово были выявлены сразу две каменные бабы, обломки еще одного изваяния были расчищены в кургане 2 могильника Ямаши-Тау [Мажитов, 1981. С. 30-35, 158]. Наиболее интересная группа оградок квадратной формы изучена в пределах юга современной Челябинской области и на востоке Оренбуржья. Материалы раскопок были опубликованы С.Г. Боталовым [Боталов, 1996. С. 210-246], В.П. Костюковым [Костюков, 2010. С. 61-82] и другими авторами. Местные предания и широкое распространение топонимов типа «сынташ» («каменная фигура») позволяют говорить об изначальном широком распространении подобных объектов в регионе.

Ниже приводятся описания нескольких поминальных объектов, исследованных в Башкирском Зауралье, относительно недалеко друг от друга.

Одиночный курган Монгол-2. Расположен в 3 км к северу от левого берега р. Бузавлык и в 3,5 км к северу-северо-востоку от с. Матраево Зилаирского района РБ, на вершине невысокой возвышенности. Раскопки проводились Ф.А. Сунгатовым в 1992 г. Диаметр насыпи 7 м, высота 0,15 м. Под дерном расчищена сплошная наброска плитняка, являвшаяся осыпью невысокой кольцевой оградки (Рис. 1, *1*). После снятия плиток насыпи был зачищен материк – сплошной скальный монолит, испещренный трещинами. На уровне материка оконтурился квадратный ровик размерами 4,5×4,5 м и глубиной 0,15 м. Ровик буквально выдолблен в скальной породе, его ширина 0,38-0,4 м. Стенки конструкции прямые, разрывов не имеют, ориентированы по сторонам света. Заполнение ровика гумусное, стенки его наклонены в сторону дна. В самом центре ровика в скальном основании было вырезано округлое углубление (Рис. 1, *2*). Яма имела диаметр 0,25 м и глубину 0,13 м, она была доверху заполнена древесным углем, среди которого встречались крупные куски обугленных плах. Вещей нет.

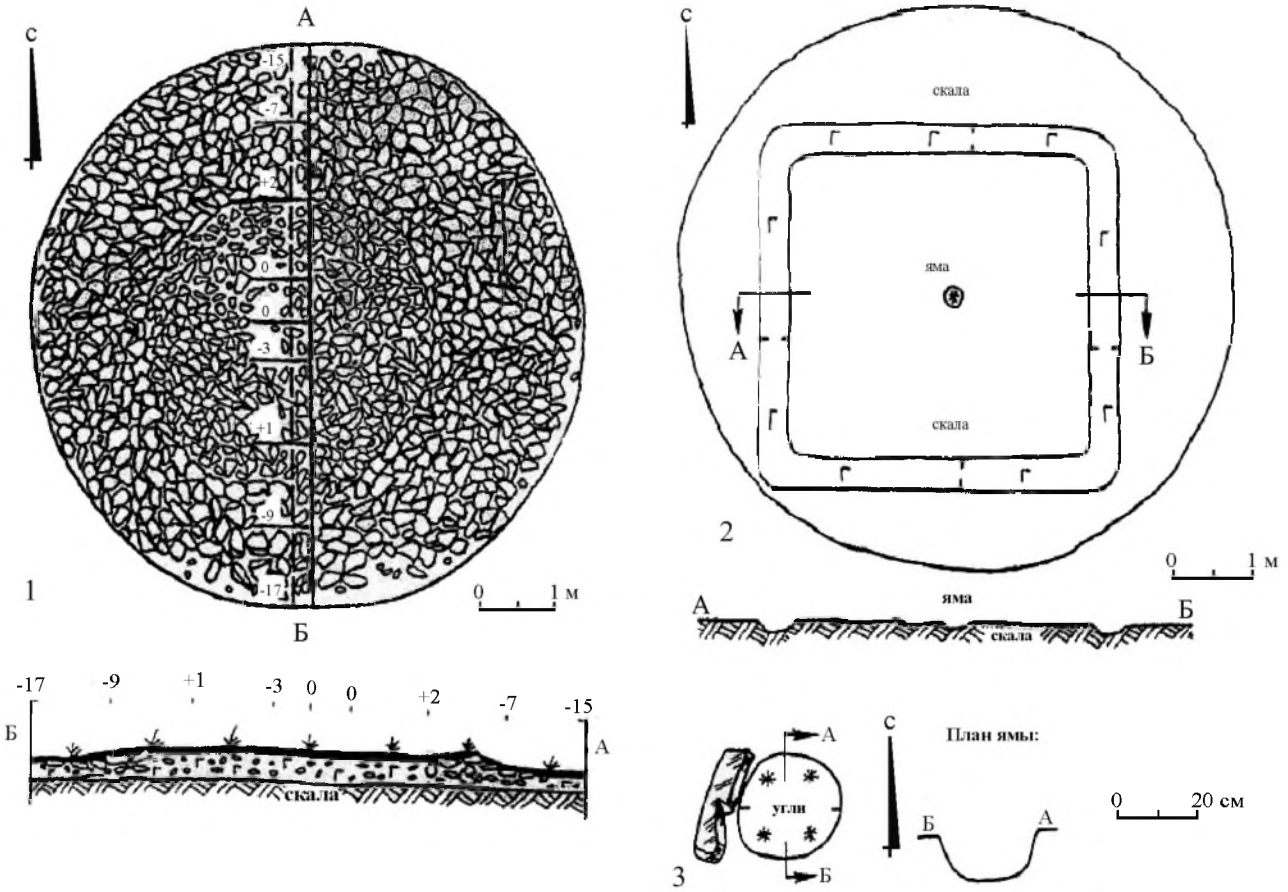

Рис. 1. Поминальные объекты Уральского региона, Зилаирский район Башкортостана. Курган Монгол-2.
1 – план и профиль каменной выкладки, *2* – план ровика на уровне скального основания,
3 – план и профиль центральной ямы

Fig. 1. Memorial objects of the Trans-Ural region, Zilair district of Bashkortostan. Mongol-2 mound.
1 – plan and profile of the stone dressing, *2* – plan of the roving at the level of the rock base, *3* – plan and profile of the central pit

Одиночный курган Кункас. Расположен в 0,8 км к северо-востоку от дер. Кункас Баймакского района РБ, на вершине холма. Раскопки проводились А.Ф. Яминовым и Г.Н. Гарустовичем в 1995 г. Диаметр насыпи 7 м, высота 0,2 м. При раскопках выявлена наброска из обломков диабаза и яшмы. В южной поле камни образуют подпрямоугольную площадку размером 5,1×1,7 м (Рис. 2). Камни лежат без раствора, в 2-3 слоя. В северо-западной оконечности насыпи также фиксировались скопления камней, лежащих бессистемно, кучами. В центре конструкции камня не было, здесь в гумусном слое зафиксированы древесные угольки. В западной поле, в 1,62 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 0,6 м от нулевой точки найдено копыто жеребенка. Рядом, в 1,75 м к юго-западу от центра кургана расчищен округлый зольник мощностью 0,05 м и диаметром около 1,2 м. Еще один зольник находился в восточной поле, форма его овальная (Рис. 2). Размеры кострища 1,8×1,3 м, мощность 0,05 м. Находок нет.

Маканское-1 святилище. Сооружение расположено на низкой, около 2,5 м, террасе «междуречья» старицы и русла степной речки Макан-первый. Село Макан Хайбуллинского района РБ находится в 1,5 км к северо-западу от этого памятника. Раскопки производились Г.Н. Гарустовичем в 1996 г. На поверхности, в северной части террасы, заметен вертикально стоящий камень – менгир. Высота блока 1,6 м, размеры в сечении 1,15×0,95 м. В 3 м

к западу от стелы на поверхности фиксировались камни оплывшей выкладки.

Каменная кладка из нескольких слоев, без раствора, возведена на уровне погребенной почвы (Рис. 3, *2*). Диабазовые плитки образуют оградку неправильной овальной или подпрямоугольной формы, размером 8,5×5-5,5 м, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 3, *1*). Ширина стен оградки колеблется в пределах от 0,4 до 1,2 м. По центру длинной юго-западной стороны сделан выступ из камней, выдвинутый за пределы наружной стенки на 1,1 м, ширина этого выступа составляет 1,5-1,65 м. За пределами выкладки и внутри ее, на уровне погребенной почвы, встречались мелкие угольки. На глубине 0,25-0,4 м от современной поверхности по всему внутреннему пространству сооружения фиксировался слой золы и угля. Мощность зольника без прокала – от 0,05 до 0,25 м. За пределами выкладки встречались мелкие обломки разбитых трубчатых костей животных (КРС или лошади), на глубине 0,1-0,5 м от условного нуля. Датирующих вещей в оградке не найдено, но на поверхности земли, вблизи раскопа был обнаружен фрагмент венчика гончарного сероглиняного сосуда (Рис. 3, *3*), с незначительными примесями мелкого сеянного песка в глиняном тесте. Подобная керамика изготавливалась в XIII-XIV веках в Волжской Булгарии. Близкой аналогией данному памятнику может считаться святилище «Аксак» (Костанайская обл. Казахстана) с каменным извая-

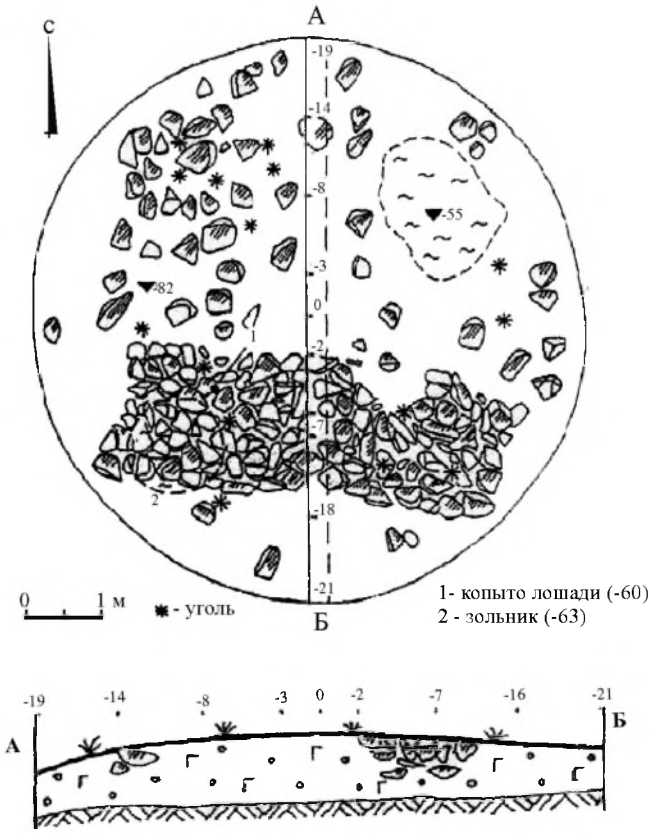

Рис. 2. Поминальные объекты Уральского региона, Баймакский район Башкортостана. Курган Кункас. *1* – копыто лошади, *2* – зольник, *ж* – уголь

Fig. 2. Memorial objects of the Trans-Ural region, Baymak district of Bashkortostan. Kunkas mound. *1* – horse's hoof, *2* – ash-pit, *g* – charcoal

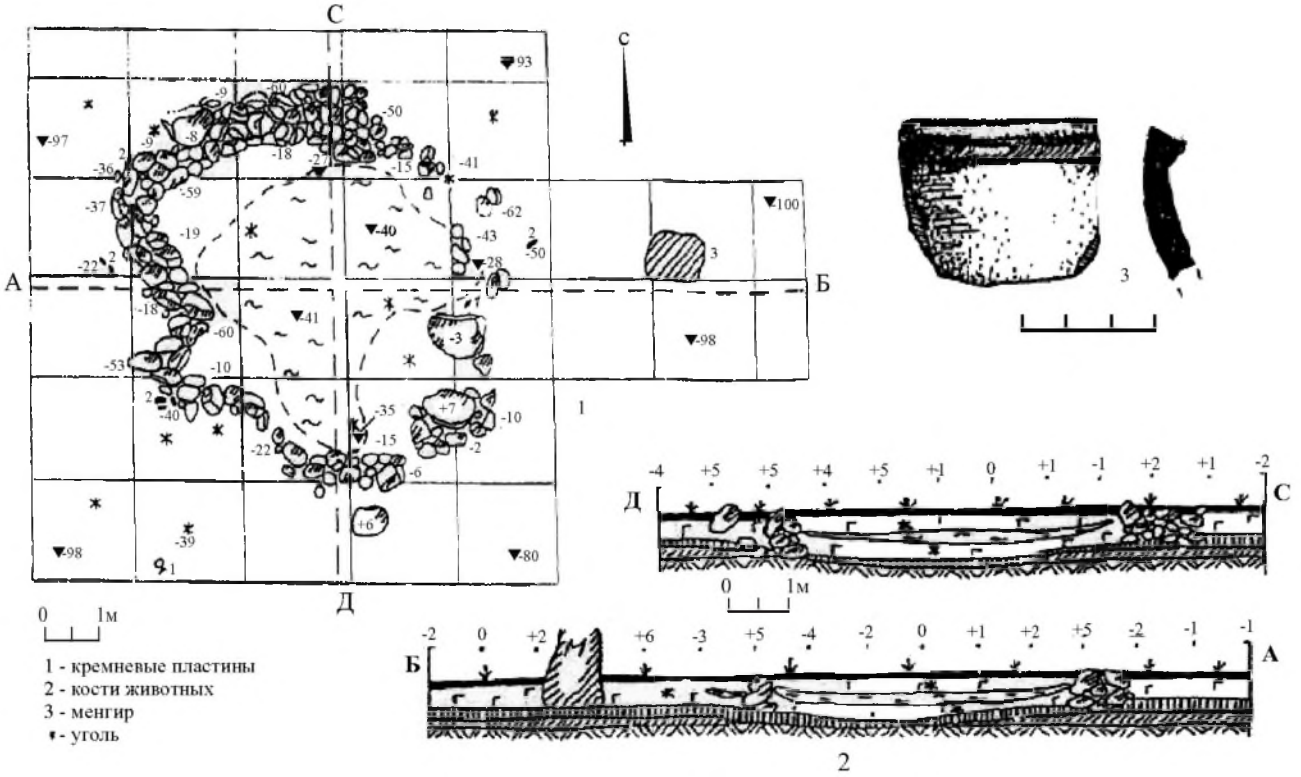

Рис. 3. Поминальные объекты Уральского региона, Хайбуллинский район Башкортостана. Маканское-1 святилище. *1, 2* – план и профиль раскопа (*1* – кремневые пластины, *2* – кости животных, *3* – каменный менгир, *ж* – угли), *3* – фрагмент венчика гончарного сосуда

Fig. 3. Memorial objects of the Trans-Ural region, Khaibullinsky district of Bashkortostan. Makanskoye-1 sanctuary. *1-2* – plan and profile of the excavation (*1* – flint plates, *2* – animal bones, *3* – stone menhir, *g* – coals), *3* – corolla fragment pottery vessel

нием [Боталов, 1996. С. 235. Рис. 3; Бабенков, 1996. С. 245-250].

Маканский могильник. Группа IV. Насыпи занимают вершину горы в 2 км к юго-востоку от с. Макан Хайбуллинского района РБ, на правом берегу степной речки Макан-первый. Всего обнаружено 8 насыпей, из которых шесть представляют собой каменные средневековые жертвенники, возведенные рядом с крупными земляными курганами эпохи бронзы. Раскопки проводились Г.Н. Гарустовичем в 1996 году.

Курган 3. Диаметр 13 м, высота около 0,2 м от уровня современной поверхности. Насыпь задернована, состояла из скопления (наброски) каменных плиток средних размеров (Рис. 4, *2*). На вершине была заметна недавняя грабительская воронка диаметром 3 м. Захоронения под камнями не было, здесь встречались лишь мелкие древесные угольки.

Курган 4. Диаметр 5 м, высота 0,12 м. Насыпь имела вид каменной наброски, форма неправильная округлая. Среди камней, в 1,4 м к северо-западу от центра кургана найдены мелкие обломки костей животных и угли (Рис. 4, *1*). Под камнями, на уровне погребенной почвы зафиксировано два зольника. Один находился в западном секторе, по форме близок неправильному овалу размером 1,4×0,7-1,1 м, вытянут по линии запад – восток (Рис. 4, *1*). Второй зольник располагался в восточном секторе, его размеры 0,67×0,59 м. Мощность обоих зольников около 5 см, среди золы попадались мелкие угольки и пережженные косточки.

Курган 5. Диаметр 4 м, высота 0,1 м, насыпь состояла из камня средних размеров. Наброска имела округлую форму (Рис. 5, *1*). Под камнями оконтурилась яма округлой формы, размером 1,03×1,2 м, глубиной 0,35 м от уровня материка, заполненная золой с углями. В засыпи встречались мелкие обугленные косточки (Рис. 5, *1*). Стенки ямы наклонены в сторону дна. Вещей нет.

Курган 6. Диаметр 6 м, высота 0,15 м от уровня современной поверхности. Каменная наброска округлой формы, задернована. В западном секторе на глубине 0,15 м от уровня современной поверхности среди камней обнаружены обломки костей животных. Под камнями в восточном секторе расчищен зольник овальной формы, его размеры 1,9×1-1,5 м, мощность 5 см, вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Вещей нет.

Курган 7. Диаметр 5 м, высота 0,2 м. Насыпь представляла собой каменную наброску округлой формы. Среди камней встречались мелкие угольки, других находок под насыпью не было.

Курган 8. Диаметр 5 м, высота 0,1 м, каменная наброска округлой формы. Среди камней, в западном секторе, встречались угли и мелкие обломки костей животных (Рис. 5, *2*). На уровне материка зафиксированы два зольника и яма. Первый зольник находился в западном секторе, форма его овальная, размер 0,75×0,55 м, мощность 6 см, вытянут по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Второй зольник округлый, диаметром 0,95 м, мощностью 4 см, располагался в восточном секторе. Яма зафиксирована в центре кургана, ее размеры 1×0,95 м, форма округлая, заглублена в материк на

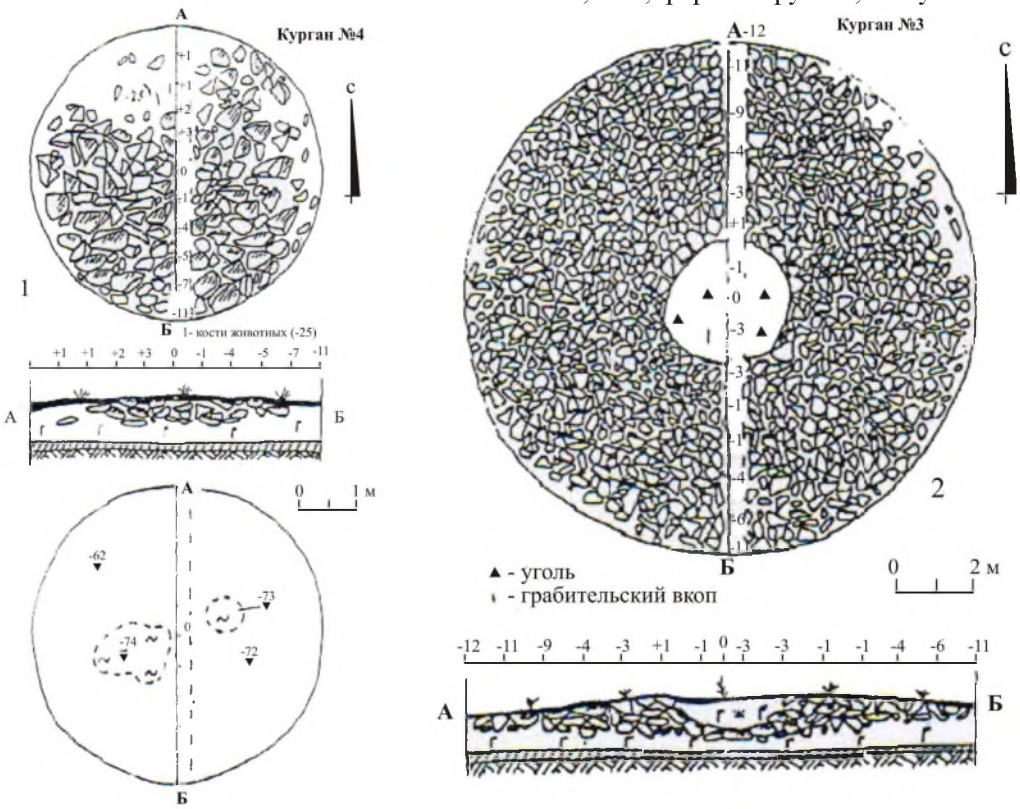

Рис. 4. Жертвенно-поминальные комплексы Зауралья, Хайбуллинский район Башкортостана. Маканский могильник, группа IV: *1* – кург. 4 (*1* – кости животных); *2* – кург. 3 (*1* – грабительский вкоп, *ж* – уголь)

Fig. 4. Sacrificial and memorial complexes of the Trans-Urals, Khaibullinsky district of Bashkortostan. Makansky burial ground, group IV: *1* – mound 4 (*1* – animal bones), *2* – mound 3 (*1* – predatory input, *g* – coal)

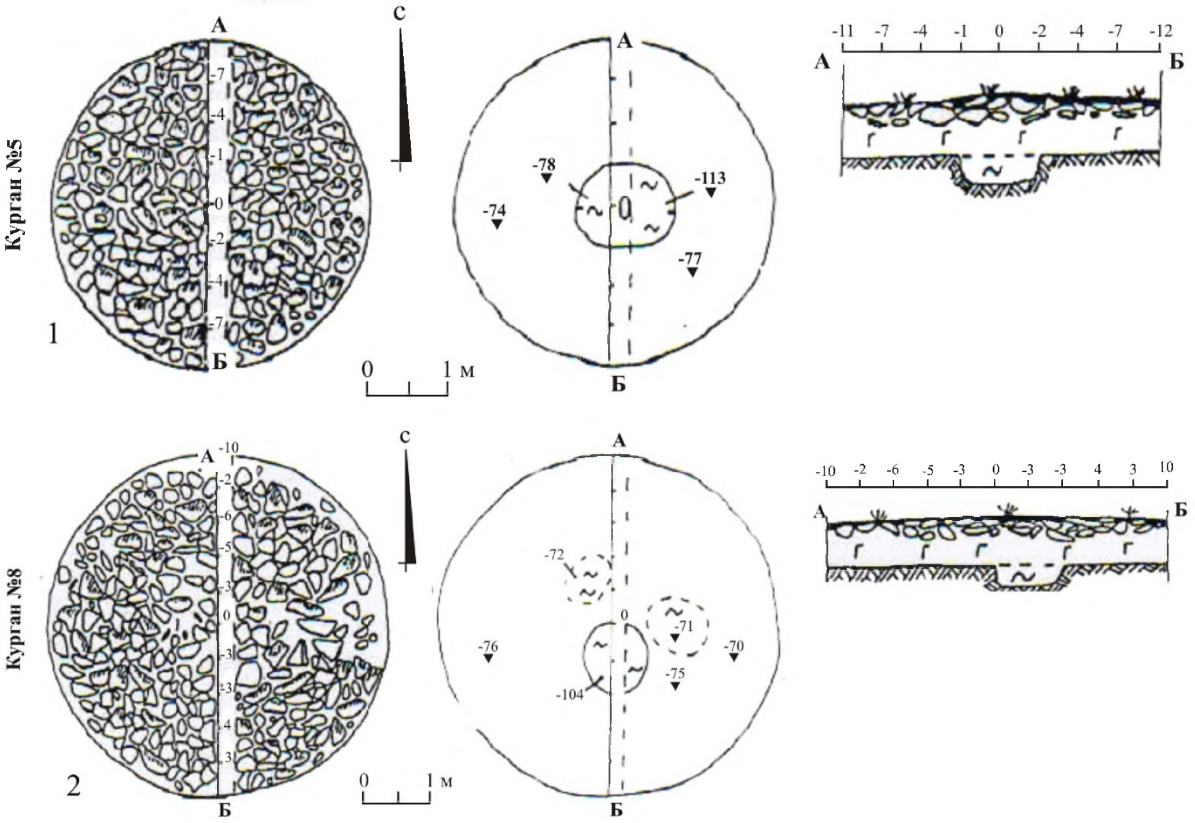

Рис. 5. Жертвенно-поминальные комплексы Зауралья, Хайбуллинский район Башкортостана. Маканский могильник, группа IV. *1* – курган 5, *2* – кург. 8 (*1* – угли и обожженные косточки)

Fig. 5. Sacrificial and memorial complexes of the Trans-Urals, Khaibullinsky district of Bashkortostan. Makansky burial ground, group IV. *1* – mound 5, *2* – mound 8 (*1* – coals and burnt bones)

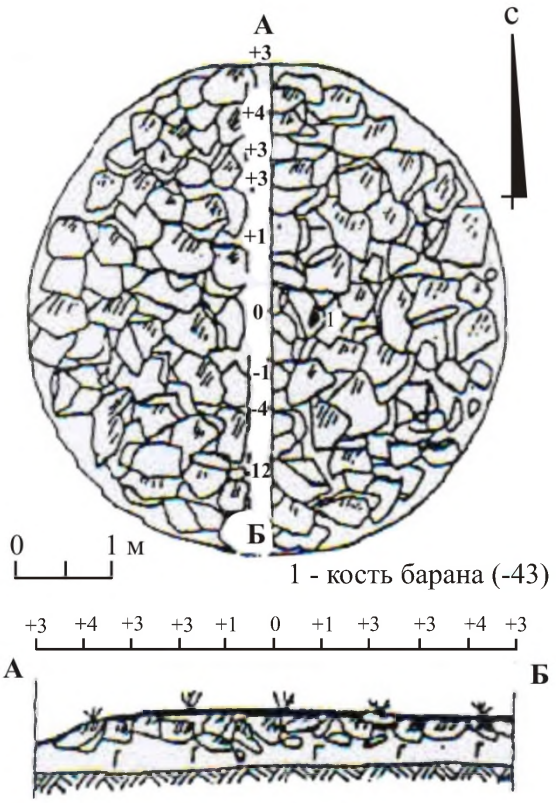

Рис. 6. Жертвенно-поминальные комплексы Зауралья, Хайбуллинский район Башкортостана. Курган на р. Макан-второй-1 (*1* – кость барана?)

Fig. 6. Sacrificial and memorial complexes of the Trans-Urals, Khaibullinsky district of Bashkortostan. A barrow on the river Macan-two-1 (*1* – ram's bone?)

0,3 м, стенки наклонены в сторону дна (Рис. 5, *2*). В засыпи ямы было много золы и мелких угольков. Вещей нет.

Одиночный курган на р. Макан-второй-1. Курган располагался на левом берегу р. Макан-второй, в 1,5 км к востоку от с. Макан Хайбуллинского района РБ, у подножия горы. Раскопки проводились Г.Н. Гарустовичем в 1996 г. Диаметр кургана 5 м, высота 0,15 м. Насыпь представляла собой многослойную округлую каменную наброску. Среди камней в восточном секторе встречались фрагменты костей животного (Рис. 6). В восточном секторе на уровне материка зафиксирован зольник овальной формы, вытянутый по линии север – юг. Его размер 2×1,38 м, мощность 5-7 см. Вещей нет.

Комплекс Карангы-елга, расположен на вершине горы в 6 км к югу от с. Юмашево Баймакского района РБ, в 1,2 км к западу от правого берега р. Сакмара и в 0,5 км к северо-востоку от ручья Карангы-елга. Зафиксировано два кургана, один из которых исследован Ф.А. Сунгатовым в 2000 году.

Курган 1. Диаметр 6 м, высота 0,1 м. При раскопках расчищена каменная оградка квадратной формы размером 3,5-4×3,5-4 м (Рис. 7, *1-2*). Стенки развернуты по сторонам света, они имели толщину 0,8 м и возведены без раствора. В 2 м к востоку-северо-востоку от центра кургана среди камней, на глубине 0,05 м от современной поверхности найден зуб лошади. Еще один зуб лошади обнаружен в 1,93 м к востоку-северо-востоку от центра насыпи, на глубине 0,1 м. Вещей нет.

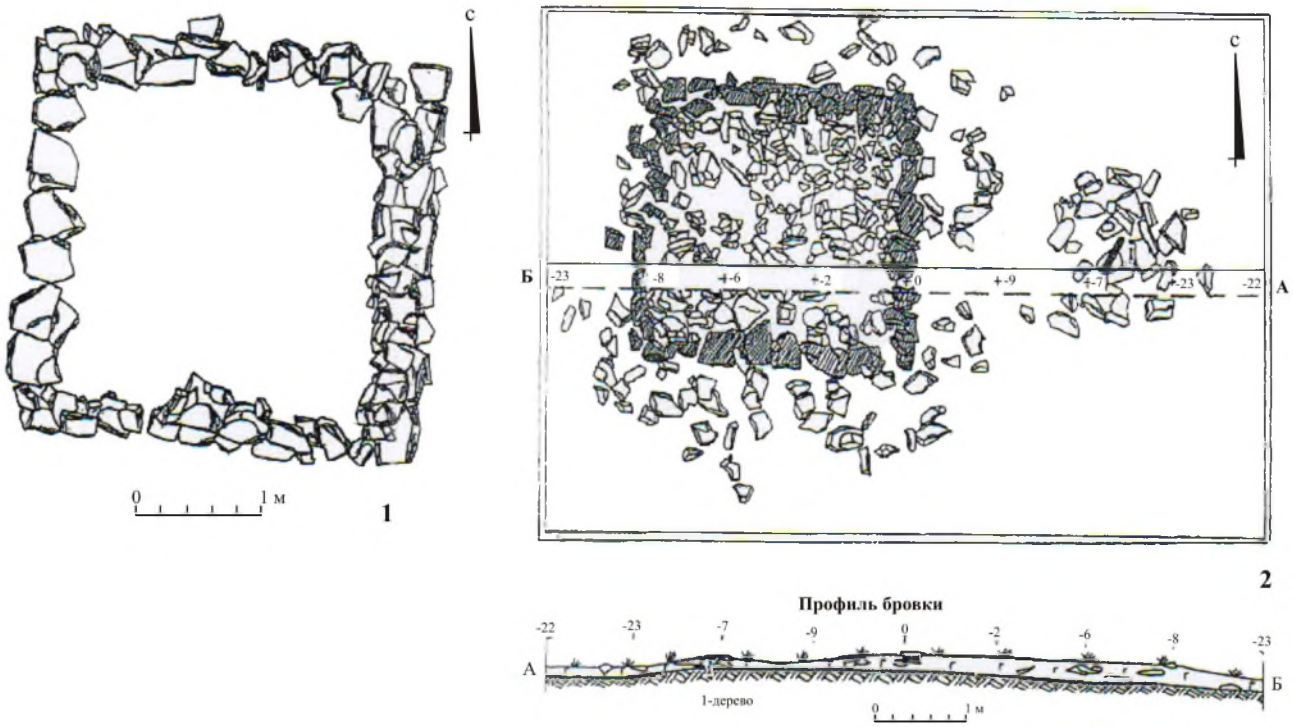

Рис. 7. Жертвенно-поминальные комплексы Зауралья, Баймакский район Башкортостана. Карангы-елга, курган 1. План раскопа 2000 г. (*1* – дерево)

Fig. 7. Sacrificial and memorial complexes of the Trans-Urals, Baymak district of Bashkortostan. Karangy-elga, mound 1. Plan of the excavation in 2000 (*1* – tree)

В 2 м к востоку от наружной части восточной стенки расчищено скопление камня размером 1×1,5 м, со следами тлена дерева под плитками (Рис. 7, *1*). Заманчиво видеть в этой детали место для установки деревянного антропоморфного изваяния, ныне истлевшего. Но у нас для этого слишком мало данных, мы ограничиваемся лишь констатацией конструктивного сходства рассматриваемого памятника с Маканским-1 жертвенником (где был установлен менгир) и святилищем «Аксак» (где стояло каменное изваяние).

Курган 2 диаметром 10 м, высотой около 0,2 м, с каменной насыпью, не раскапывался. Дата комплекса Карангы-елга – эпоха средневековья.

«**Курганный могильник» Целинное-3** расположен в 4 км к северо-западу от с. Целинное (Хайбуллинский район РБ), на высокой террасе правого берега р. Большая Уртазымка (р. Ургаза). Два каменных «кургана» занимали вершину небольшой возвышенности (Рис. 8), они вытянуты по линии северо-восток – юго-запад. Памятник исследован в 2013 г. Ф.А. Сунгатовым, материалы опубликованы [Сунгатов, Султанова и др., 2016], что избавляет нас от необходимости приведения развернутых описаний. Отметим лишь то, что под обеими насыпями выявлены остатки оплывших каменных оградок: курган 1 – 6×5 м (Рис. 9), курган 2 – 5×5 м (Рис. *10*). Внутри конструкции кургана 2 найдены зуб лошади, пара железных стремян, кольчатые удила и наконечники стрел, лежавшие на обугленной бересте (колчан?).

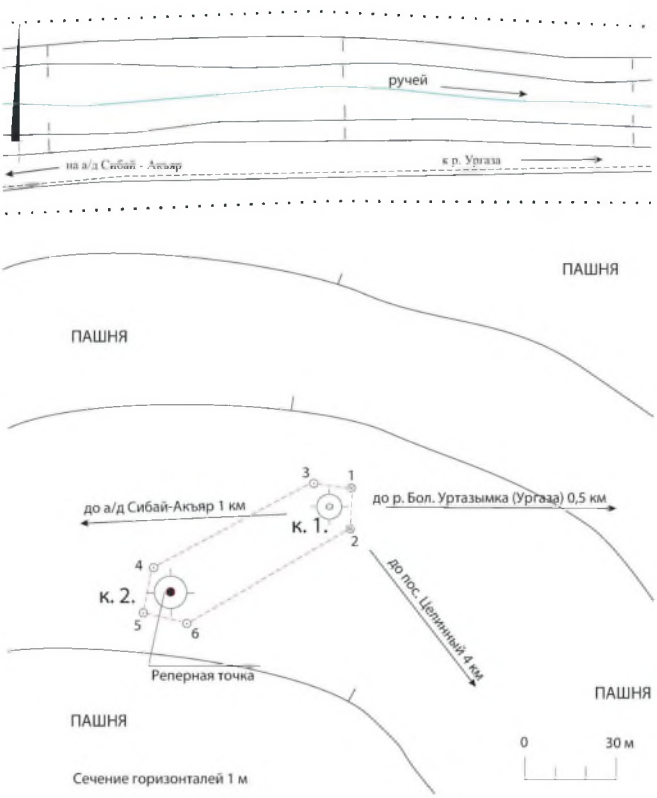

Рис. 8. Святилище Целинное-3, Хайбуллинский район Башкортостана

Fig. 8. The Tselinnoye-3 sanctuary, Khaibullinsky district of Bashkortostan

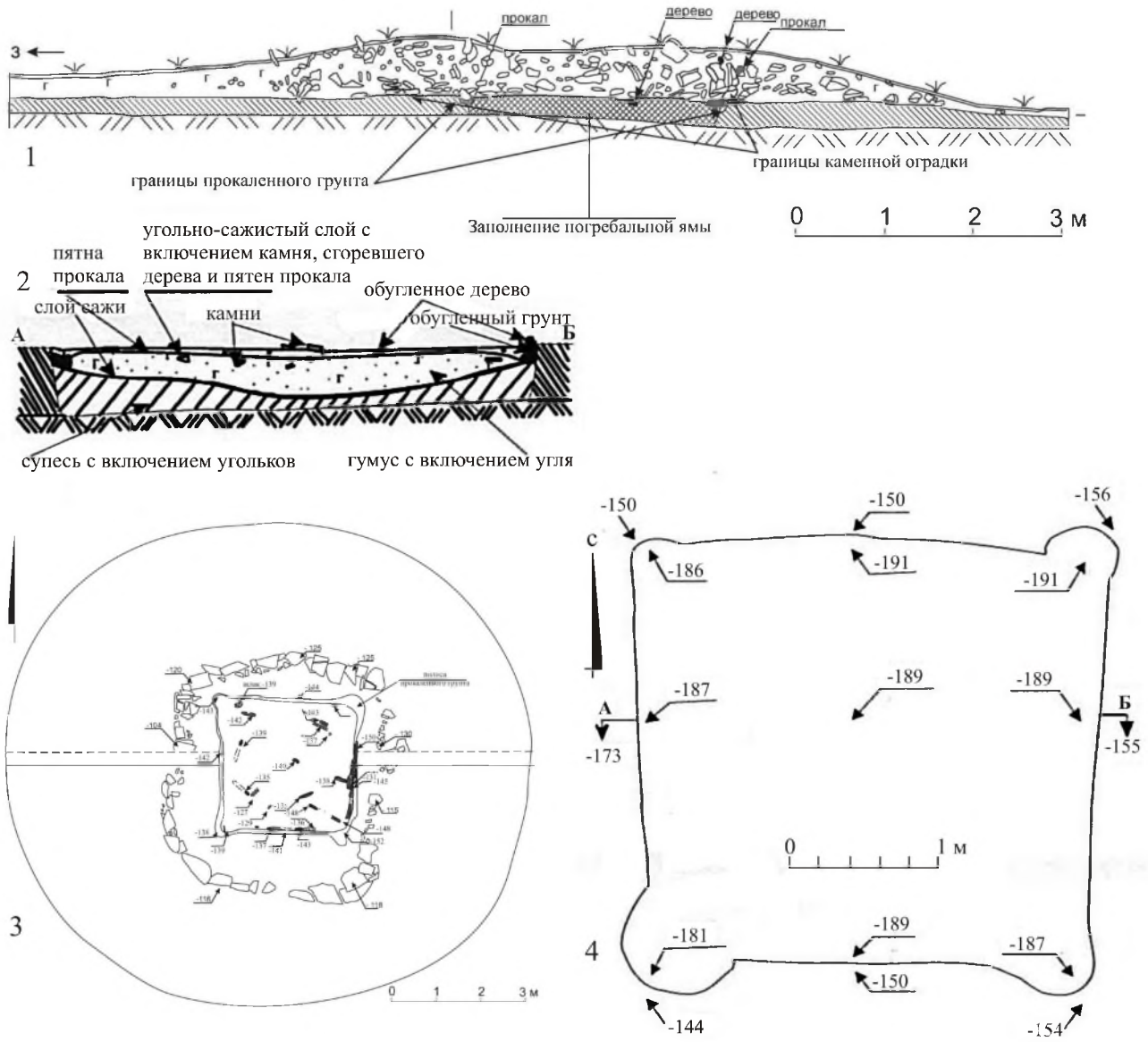

Рис. 9. Святилище Целинное-3, Хайбуллинский район Башкортостана.
1 – курган 1, стратиграфический разрез; *2* – курган 1, разрез погребальной камеры; *3* – курган 1, план каменной оградки и погребальной камеры на горизонте выявления их очертаний; *4* – курган 1, план погребальной камеры

Fig. 9. The Tselinnoye-3 sanctuary, Khaibullinsky district of Bashkortostan.
1 - mound 1, stratigraphic section; *2* – mound 1, section of the burial chamber; *3* – mound 1, a plan of a stone fence and a burial chamber on the horizon of revealing their outlines; *4* – mound 1, plan of the burial chamber

Стремена арочной формы, верх дужек уплощен и слегка заострен. С наружной стороны контуров стремян выделены небольшие округлые выступы-крылышки для более жесткого управления лошадью; у одного стремени маленькие «крылышки» лишь намечены (Рис. 11, *2*). Расширенные подножки стремян уплощены (Рис. 11, *1*). Кованые удила с перегибом и грызлами одинаковой длины, имеют диаметр колец 3,4-3,6 см (Рис. 11, *8*). Черешковые наконечники стрел – 5 экз., все – с «узелковым» упором, относятся к разным типам. Два наконечника – плоские, ассиметрично-ромбические (Рис. 11, *4, 7*), три – бронебойные, с небольшими головками пирамидальной формы (Рис. 11, *3, 5, 6*). Все находки относятся к концу XII-XIII вв., но на Южном Урале они появляются лишь в ходе монгольского нашествия (т.е. их дата – не ранее 30-х годов XIII в.).

Оба «кургана» единовременные, они принадлежат к разряду ЖПК (точнее - составляют небольшое святилище из двух оградок). Высота кладки стен достигала 0,5 м, внутреннее пространство забутовано небольшими камнями. Ранее поверх каменных оснований были возведены каркасные конструкции из жердей (пирамидальной (?) формы; впоследствии сожженные). В кургане 2 поминальный костер не был таким интенсивным, как в кургане 1. Кроме того, в кургане 2 не была выкопана камера, но здесь на уровне древней поверхности положены вещи из амуниции конного воина раннезолотоордынского времени.

Итак, рассмотрено 7 памятников, различающихся типологически, но имеющих функциональное единство и близкую территориальную локализацию. Описанные ЖПК состояли из одного (Кункас; на р. Макан-первый; на р. Макан-вто-

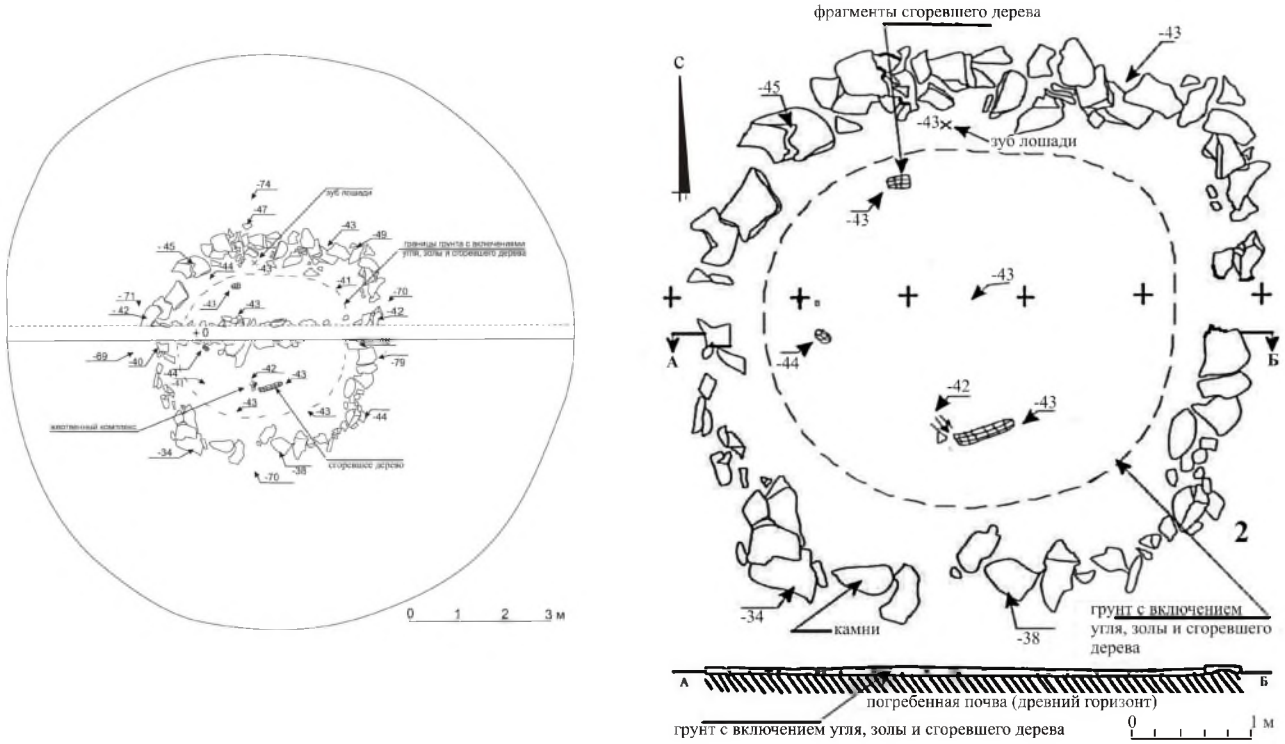

Рис. 10. Святилище Целинное-3. Курган 2. *1* – план кургана 2 после удаления второго слоя каменной наброски; *2* – план и разрез каменной оградки по горизонту первого ряда каменной кладки

Fig. 10. The Tselinnoye-3 sanctuary. Barrow 2. *1* – plan of the mound 2 after removing the second layer of the stone outline; *2* – plan and section of a stone fence along the horizon of the first row of masonry

рой), двух (Целинный-3; Карангы-елга), или сразу нескольких каменных «курганов» (Макан, гр. IV – 6 сооружений). Групповые объекты мы называем «святилищами», понимая определенную условность употребляемого термина. Расчищены каменные насыпи двух типов:

1) округлые сплошные площадки (тип 1а) или кольцевые оградки (тип 1б) (Монгол-2; Макан, гр. IV; на р. Макан-второй);

2) прямоугольные площадки (тип 2а) или выкладки (тип 2б) (Кункас; святилище Макан-1; Карангы-елга; Целинный-3).

Пожалуй, самым известным памятником Башкирского Зауралья с округлыми насыпями (типы 1а и 1б) является Подольское-1 святилище в Хайбуллинском районе РБ [Гарустович, 2005]. Типичная круглая оградка выявлена на памятнике Монгол-2, сплошная насыпь отмечена в кургане 1 на реке Макан-второй, а в Маканском «могильнике» (группа IV), вперемешку встречались каменные округлые насыпи и выкладки (типы 1а и 1б). Но это все конструктивные варианты одного типа ЖПК.

Прямоугольные выкладки (тип 2) несколько различаются своими размерами (с длиной стенок от 3 до 8 м, обычно – 5-6 м). Они развернуты стенками или углами по сторонам света, либо вытянуты по линии северо-запад – юго-восток. К востоку от оградки Маканского-1 святилища был вкопан массивный менгир. А на территории схожего святилища «Аксак» (Костанайская обл. Казахстана), вместо балбала стояло резное изваяние. Так что взаимосвязь ЖПК и каменных изваяний здесь фиксируется со всей определенностью.

Под насыпями встречались разрозненные кости лошади (копыта, зубы, части черепа), реже – барана. Как правило, внутри каменных оградок размещались зольники и угольки встречались повсеместно. Наличие остатков обугленных плах позволяет восстановить предположительный облик всей конструкции. Каменные оградки выполняли роль цоколя, поверх которого строились каркасные сооружения из жердей. По окончании ритуальных действий, деревянное «перекрытие» сжигалось, а стены каменной оградки частично разрушались (иногда такие развалины дополнительно засыпались камнями и землей). Лучше всего остатки шатровой деревянной конструкции (из ольхи) сохранились в одиночном поминальнике Олотау (Баймакский район РБ, раскопки И.М. Акбулатова 2000 г.; материалы не опубликованы) на р. Сакмаре.

Ямы в центре конструкции фиксируются не всегда, заполнение их насыщено углями (Маканский мог., гр. IV; и др.). Похоже на то, что кострища в середине жертвенника (в ямах или на дневной поверхности) могут считаться обязательным элементом обрядовой практики. Выделяются своей оригинальностью внутренние конструкции поминальника Монгол-2. Здесь, осевая яма с углями в засыпи была «оконтурена» квадратным ровиком, выдолбленном в скальном основании. В процессе изучения поминальных объектов Алтая В.Д. Кубарев обосновал идею об установке в центре оградки дерева или опорного шеста, трактуемых в каче-

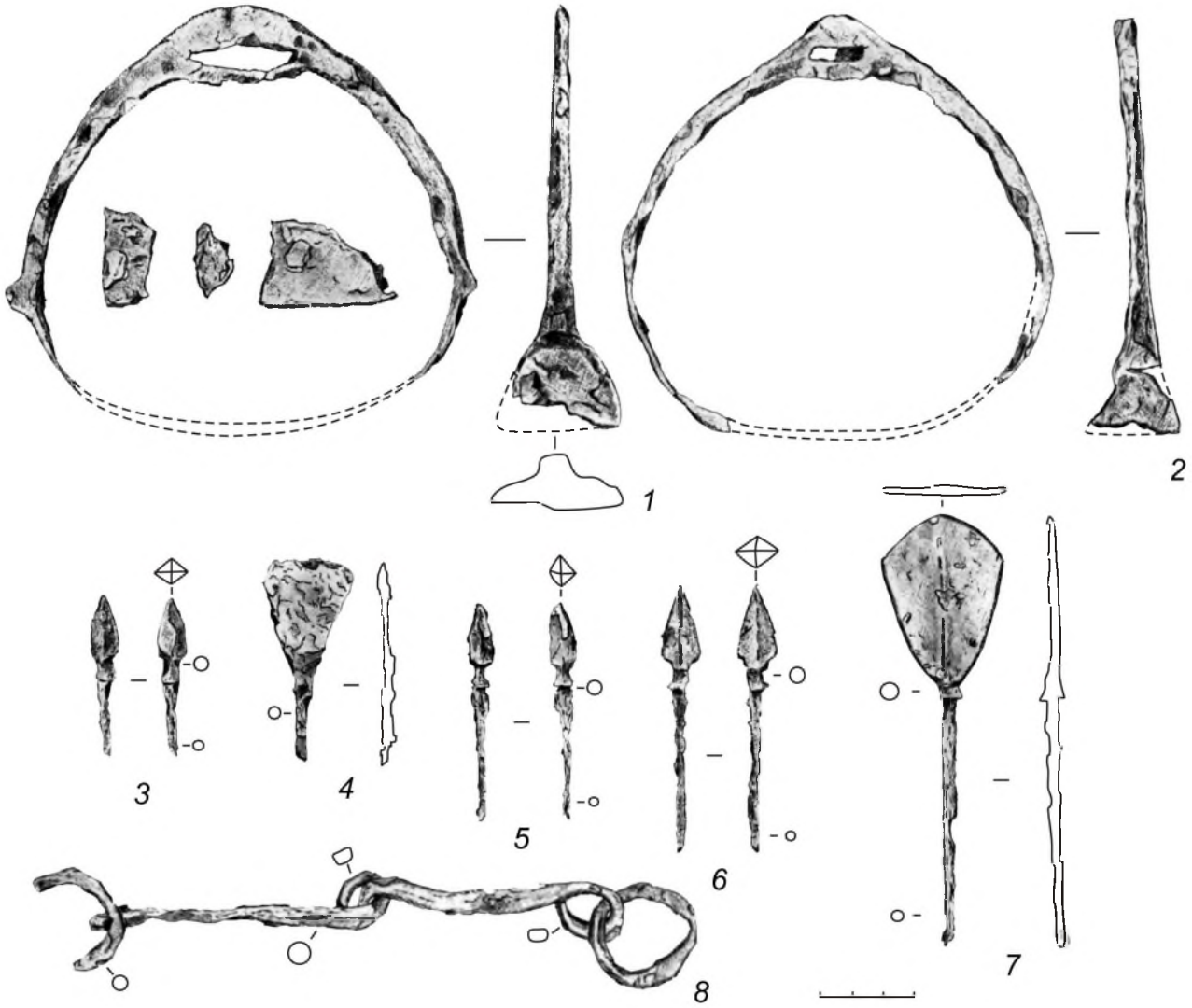

Рис. 11. Святилище Целинное-3. Курган 2. *1-8* – находки из кургана 2, все – железо (*1-2* – стремена; *3-7* – черешковые наконечники стрел; *8* – кольчатые удила с перегибом)

Fig. 11. The Tselinnoye-3 sanctuary. Barrow 2
1-7 – finds from the mounds 2, all – iron (*1-2* – stirups; *3-7* – petiolate arrowheads; *8* – ring bits with an inflection)

стве символики Мирового древа [Кубарев, 1979. С. 158]. Наши материалы лишь подтверждают подобные характеристики. Самая крупная яма (камера) отмечена в кургане 1 «могильника» Целинный-3. Назначение ее не совсем понятно, но можно говорить определенно то, что над этой ямой ранее возводились какие-то внутренние конструкции из дерева (они также подверглись сожжению еще в древности).

Какие-либо предметы в ЖПК попадаются очень редко. Однако группа «курганов» Целинное-3 выделяется из общей массы исследованных ЖПК набором надежно датированных вещей. В определенной степени, аналогией этому памятнику могут считаться курганы могильника Солянка в Западно-Казахстанской области Казахстана [Бисембаев, Тасмагамбет, 2004. С. 65-70]. Отметим также то, что комплекс с р. Ургаза является связующим звеном между разными видами ЖПК нашего региона. С одной стороны, мы имеем обычные жертвенные прямоугольные выкладки с зольниками внутри (тип 2б). Именно рядом с такими объектами устанавливались каменные бабы и менгиры. А, с другой стороны, наличие среди камней предметов вооружения и конского снаряжения напрямую перекликается с «кенотафами» наподобие памятников Симбирка, Озерновский-3 и т.д., которые мы относим к типу 2в.

Явной тенденцией последних десятилетий при исследовании комплекса памятников «ЖПК – каменное изваяние» в степях Южного Урала может считаться стремление к омолаживанию культовой традиции. С.Г. Боталов осторожно допускал возможность продления датировок ЖПК до XIII-XIV вв. [Боталов, 1996. С. 217 и др.]; а В.П. Костюков на этой поздней дате фактически «строил» всю свою научную концепцию [Костюков, 2010. С. 61-82]. Для полного признания подобной поздней хронологии специалистам недоставало главного – комплекса разнообразных надежно датированных вещей. Конечно, определенные информативные вещи археологи находили и раньше. Это были, в

первую очередь, обломки чугуна (на Урале они датируются не ранее самого конца XIII – начала XIV вв.)[1] и мелкие фрагменты гончарной керамики[2]. Обломки чугунных котлов происходят из кургана 6 могильника Александровский, кургана 10 могильника Кайнсай (Челябинская обл.), из ЖПК на поселении Лаимберды-1 в Баймакском районе РБ. Обломки станковой посуды XIII-XIV вв. обнаружены в пределах объектов Кайнсай, кург. 6, Селенташ (Челябинская обл.), Аксак (Костанайская обл.), а также рядом с Кусеевским менгиром (Баймакский район РБ).

«Смешанность» элементов ЖПК различных видов (т.е. типов 2б и 2в), отмеченная в святилище Целинный-3, позволяет нам для уточнения даты обычных оградок с каменными изваяниями (или без них) привлекать в качестве аналогий находки из поминальников типа Озерновского-3 (Оренбургская обл.). Материалы раскопанного В.А. Ивановым в 1985 г. «кенотафа» из Озерновского-3 могильника определенно датируются золотоордынским временем [Овсянников, 1990. С. 141-149]. В регионе известно уже несколько подобных мемоpативных памятников (тип 2в): Орл-Оба, Джасай [Аниховский, 1905. С. 56-57], Кутр-Тас [Попов, 1911. С. 135-148] (Оренбургская обл.), а также Симбирка, Бутак-3 [Любчанский, 1995. С. 181-185; Иванов, Любчанский, 2003. С. 230-243] (Челябинская обл.), Солянка (Западно-Казахстанская обл.) [Бисембаев, Тасмагамбет, 2004. С. 65-70]. В них были найдены предметы вооружения и защитного снаряжения (железные шлемы, кольчуги, наборные ламеллярные доспехи, наконечники копий, сабли) и «кочевнические аксессуары» (детали конского убранства: седла, уздечки, удила, стремена, подпружные пряжки). Все они надежно датируются XIII-XIV вв. и во всех этих сооружениях отсутствовали человеческие останки.

Информативная значимость материалов святилища Целинный-3 усиливается тем, что они позволяют определить верхнюю дату бытования каменных поминальников (всех трех типов) и изваяний Урало-Поволжья, в пределах XIII-XIV вв. На основе находок из Целинного-3 можно даже несколько скорректировать хронологию, поскольку стремена (аскизского типа) с боковыми выступами появляются в регионе в ходе монгольского нашествия (30-е годы XIII в.), и бытуют лишь до первых десятилетий XIV в., после чего выходят из употребления. Как мы предполагаем, причины подобного явления связаны не столько с изменениями моды или с динамикой хозяйственной деятельности средневековых номадов, сколько с распространением ислама в степи (шариат строго запрещает помещение инвентаря в могильные ямы). К слову сказать, схожие стремена с «крылышками» происходят из Александровского и Симбирского ЖПК (Челябинская обл.) [Боталов, 1996. С. 210-246; Любчанский, 1995. С. 184], а также из поминального объекта (курган 1) на могильнике Азнаевский-2 (Ишимбайский район РБ).

Кроме того, имеются все основания связывать появление стремян с боковыми выступами с населением Алтая и сопредельных территорий. А это, пусть и опосредствованно, указывает на восток, как на территорию, откуда камнерезная традиция и специфические виды ЖПК (тип 2) были привнесены в степи Южного Урала. Стилистика изобразительных приемов каменных баб рассматриваемых областей перекликается именно с восточными изваяниями (Восточный Казахстан, Алтай, Тыва), а не с половецкими памятниками в Северном Причерноморье. Анализируемый погребальный инвентарь ЖПК и «курганов» (типы 1 и 2), содержащих вещи аскизского типа, также связаны с «восточным направлением» этнических связей. По всей видимости, после монгольского нашествия завоеватели санкционировали расселение в уральских степях представителей восточно-тюркских этнических групп; «разбавив» ими остатки разбитых и подчиненных кыпчаков. Вспомним, что в «Зубдат ал-асар» приведены названия четырех «омаков» - тюркских и монгольских племен, выделенных чингисиду Шибану: кошчи, найман, буйрак и карлук [ИКС, 1979. С. 129]. Так что вполне приемлемо соотносить прямоугольные (восточные) каменные оградки (тип 2б) с людьми из этих пришлых этнических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аниховский А.Л. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // ТОУАК. Вып. 14. Оренбург, 1905. С. 52-79.

Бабенков К.Н. Жертвенно-поминальный комплекс «Аксак». Возможные варианты реконструкции // Новое в археологии Южного Урала / Ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 245-250.

Бисембаев А.А., Тасмагамбет Г.С. Исследования аварийного могильника Солянка // Известия Национальной АН Казахстана. 2004. №1. Алматы: НАН РК. С. 65-70.

Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала / Ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 210-246.

Гарустович Г.Н. Древнетюркское языческое святилище с каменными изваяниями на реке Ма-

[1] Как известно, чугунолитейное производство было занесено в Восточную Европу в ходе монгольского нашествия. Первыми в Урало-Поволжье выплавку чугуна освоили булгарские ремесленники [ИТА, 1968. С. 59; Руденко, 2000. С. 219-220]. Поэтому обломки чугунных котлов могут рассматриваться в качестве датирующихся вещей, тем более, что т.н. «белый чугун» золотоордынского времени технологически значительно отличается от более поздних видов чугуна.

[2] Сопоставление фрагментов станковой посуды с хорошо датированными изделиями булгарского гончарного производства золотоордынского времени также способствует установлению надежной хронологии.

кан в Республике Башкортостан // Вестник АН РБ. 2005. Том 10. №2. С. 23-32.

Гарустович Г.Н. Находки эпохи средневековья в пещерах Южного Урала // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф., 27-29 октября 2009 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 135-156.

Иванов В.А., Любчанский И.Э. Новые памятники средневековых кочевников в степях Южного Зауралья // УАВ. Вып. 4. 2003. С. 230-243.

ИКС: История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). Т. II / Гл. ред. А.Н. Нусулбеков. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 424 с.

ИТА: История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. А.Х. Халикова и др. Казань: Таткнигоиздат, 1968. 719 с.

Костюков В.П. Ритуальные памятники XIII-XIV вв. // Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. Казань: Фэн, 2010. С. 61-82.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135-160.

Любчанский И.Э. Поминальный комплекс монгольского времени у с. Симбирка Челябинской области // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 181-185.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Минеева И.М Менгирная аллея Кук-Тэке-I // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы археол. совещания. Уфа: БГПУ, 2010. С. 161-162.

Овсянников В.В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков, Ю.А. Плотников. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 141-149.

Попов А. О броне, хранящейся в музее архивной Комиссии // ТОУАК. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 135-148.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья VIII-XIV вв. Казань: Репер, 2000. 180 с.

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирендык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. С. 92-104.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Каданцев Д.М Целинное-3 – памятник золотоордынского времени в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 16. 2016. С. 88-95.

REFERENCES

Anikhovskiy A.L. Drevnie kurgany-mogil'niki v Kustanayskom uezde Turgayskoy oblasti [Ancient burial mounds in the Kustanai district of the Turgai region] // TOUAK. Vyp. 14. Orenburg, 1905. S. 52-79.

Babenkov K.N. Zhertvenno-pominal'nyy kompleks «Aksak». Vozmozhnye varianty rekonstruktsii [The "Aksak" sacrificial and memorial complex. Possible reconstruction options] // Novoe v arkheologii Yuzhnogo Urala / Red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifey, 1996. S. 245-250.

Bisembaev A.A., Tasmagambet G.S. Issledovaniya avariynogo mogil'nika Solyanka [Investigation of the emergency burial ground Solyanka] // Izvestiya Natsional'noy AN Kazakhstana. 2004. №1. Almaty: NAN RK. S. 65-70.

Botalov S.G. Kamennye izvayaniya i zhertvenno-pominal'nye kompleksy Uralo-Ishimskogo mezhdurech'ya [Stone sculptures and sacrificial memorial complexes of the Ural-Ishim interfluve] // Novoe v arkheologii Yuzhnogo Urala / Red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Rifey, 1996. S. 210-246.

Garustovich G.N. Drevnetyurkskoe yazycheskoe svyatilishche s kamennymi izvayaniyami na reke Makan v Respublike Bashkortostan [The ancient Turkic pagan sanctuary with stone sculptures on the Makan River in the Republic of Bashkortostan] // Vestnik AN RB. 2005. Tom 10. №2. S. 23-32.

Garustovich G.N. Nakhodki epokhi srednevekov'ya v peshcherakh Yuzhnogo Urala [Finds of the Middle Ages in the caves of the Southern Urals] // Kul'turnoe nasledie Yuzhnogo Urala kak innovatsionnyy resurs. Materialy Vseross. nauch.-praktich. konf., 27-29 oktyabrya 2009 g. Ufa: IIYaL UNTs RAN, 2010. S. 135-156.

Ivanov V.A., Lyubchanskiy I.E. Novye pamyatniki srednevekovykh kochevnikov v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya [New monuments of medieval nomads in the steppes of the South Trans-Urals] // UAV. Vyp. 4. 2003. S. 230-243.

IKS: Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney). T. II [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)] / Gl. red. A.N. Nusulbekov. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1979. 424 s.

ITA: Istoriya Tatarskoj ASSR (s drevnejshih vremen do nashih dnej) [History of the Tatar ASSR (from ancient times to the present day)] / Pod red. A.H. Halikova i dr. Kazan': Tatknigoizdat, 1968. 719 s.

Kostjukov V.P. Ritual'nye pamjatniki XIII-XIV vv. [Ritual monuments of the XIII-XIV centuries] // Ulus Shibana Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. Kazan': Fjen, 2010. S. 61-82.

Kubarev V.D. Novye svedenija o drevnetjurkskih ogradkah Vostochnogo Altaja [New information about the ancient Turkic enclosures of Eastern Altai] // Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka / Otv. red. A.P. Pogozheva. Novosibirsk: Nauka, 1979. S. 135-160.

Ljubchanskij I.Je. Pominal'nyj kompleks mongol'skogo vremeni u s. Simbirka Cheljabinskoj

oblasti [Memorial complex of the Mongolian time by village Simbirka of the Chelyabinsk region] // Kurgany kochevnikov Juzhnogo Urala / Otv. red. B.B. Ageev. Ufa: Gilem, 1995. S. 181-185.

Mazhitov N.A. Kurgany Juzhnogo Urala VIII-XII vv. [Mounds of the Southern Urals of the VIIII-XII centuries]. M.: Nauka, 1981. 163 s.

Mineeva I.M Mengirnaja alleja Kuk-Tjeke-I [The Kuk-Teke-I Menhir Alley] // XVIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie: kul'turnye oblasti, arheologicheskie kul'tury, hronologija. Materialy arheol. soveshhanija. Ufa: BGPU, 2010. S. 161-162.

Ovsjannikov V.V. K voprosu o zashhitnom vooruzhenii pozdnih kochevnikov Juzhnogo Urala [On the issue of protective weapons of the late nomads of the Southern Urals] // Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naselenija Severnoj i Central'noj Azii / Otv. red. Ju.S. Hudjakov, Ju.A. Plotnikov. Novosibirsk: SO AN SSSR, 1990. S. 141-149.

Popov A. O brone, hranjashhejsja v muzee arhivnoj Komissii [On the armor stored in the Museum of the Archival Commission] // TOUAK. Vyp. 23. Orenburg, 1911. S. 135-148.

Rudenko K.A. Metallicheskaja posuda Povolzh'ja i Prikam'ja VIII-XIV vv. [Metal utensils of the Volga and Prikamye VIIII-XIV centuries]. Kazan': Reper, 2000. 180 s.

Savelev N.S. Kurgan jepohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnyh predgor'jah hrebta Irendyk [Barrow of the era of the early nomads Kushalokuak-1 in the eastern foothills of the Irendyk Range] // Juzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremja. Sbornik statej k 70-letiju Anatolija Haritonovicha Pshenichnjuka / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: IIJaL UNC RAN, 2006. S. 92-104.

Sungatov F.A., Sultanova A.N., Mukhametdinov V.I., Ruslanova R.R., Kadantsev D.M Tselinnoe-3 – pamyatnik zolotoordynskogo vremeni v Bashkirskom Zaural'e [Tselinnoye-3 – a monument of the Golden Horde time in the Bashkir Trans-Urals] // UAV. Vyp. 16. 2016. S. 88-95.